

МОТИВ СОПЕРНИЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. Р.ТОЛКИНА

В первобытном обществе миф воспринимается, как нечто достоверно объясняющее те или иные явления, но по мере развития социально-общественных формаций изменяется и отношение к мифу. Научное знание и философские теории способствуют нарастанию скептицизма, и происходит постепенная демифологизация человеческого сознания, что приводит к упадку широко известных мифологических сюжетов.

Но поскольку в самом мифе «превалирует пафос преодоления хаоса и превращения его в космос, защиты космоса от сохранившихся сил хаоса» [6, с. 6], это обеспечивает компенсаторную функцию для массового сознания, а также сохранение мифологической ментальности в сознании людей. Поэтому чаще всего имеет место неполная или же относительная демифологизация, сопровождаемая впоследствии ремифологизацией, возрождением интереса к мифу в различных сферах искусства, будь то живопись или литература. По словам Е.М. Мелетинского, этот процесс имел место «в особенности в XX в., отмеченном одновременно бурными достижениями технической мысли и разочарованием в рационалистической философии, эволюционизме, прямолинейных «просветительских» упованиях» [6, с. 7].

Творчество известного английского писателя Дж.Р.Р. Толкина служит тому замечательным подтверждением. С одной стороны он старался восполнить лакуну в английском мифолого-эпическом наследии, с другой стороны, очевидно, что тенденции общие для эстетической мысли и искусства первой половины XX века не могли не повлиять на художественное мировоззрение Толкина и найти отражение в его творчестве. Если многие писатели в основном использовали типичные мифологические мотивы, ссылались на более ранние источники с помощью интеллектуальной игры с читателем в своих произведениях, то Толкин отважился на большее. На основе изобретенных им языков он создал собственную мифологию, что выводит его

творчество за границы обычного представления о литературном произведении, выводя творческое наследие писателя на уровень мировой культуры и мифологии.

В ходе создания своего творческого универсума Толкин, профессор оксфордского университета, преподаватель древнеанглийской литературы, блестящий лингвист и знаток древних языков, не мог не опираться на древнегерманское мифолого-эпическое наследие, говоря о котором писатель упоминает сам дух, или как он его называет «нордический характер или северная природа» [12, с. 529]. «Обращение к своей природе, ... передача духа этого (северо-западного – О.В.) края» [12, с. 529] также являются частью концепции творчества Толкина. Следуя за общей мифологической традицией в создании сюжетов, использовании характерных мотивов, писатель, тем не менее, отмечал, говоря о своих творениях: «Эти предания «новые», они не заимствованы напрямую из других мифов и легенд, но неизбежно содержат в себе изрядную долю древних широко распространенных мотивов или элементов» [11, с. 170].

Одной из самых распространенных тем в памятниках мировой героической традиции является мотив соперничества, сопряженный с мотивом гордыни и тщеславия, так как, по словам С.М. Боуры, «героям не нравится сама мысль о том, что кто-то хоть в чем-то может их превзойти» [2, с. 72]. Среди других мотивов, которыми движимы герои в эпических произведениях, Р. Мактерк выделяет такие чувства как: «любовь и ревность, зависть и уязвленная гордость вплетены в истории главными темами, которых являются честь и позор, добрая и злая судьба» [14, с. 110] (Перевод наш – О.В.). Зачастую именно завистливые соперники завязывают перебранки с героем, и ярким примером такого персонажа служит Унферт из «Песни о Беовульфе». Дерзкий и острый на язык он занимает почетное место в пиршественном зале, что дает основание исследователям полагать, что «В таком изображении герой предстает неким аристократическим подобием гомеровского Терсита или

даже коварным советником, сеющим раздор и зависть среди почтенной и верной свиты» [2, с. 415].

Что говорить об Унферте, если даже в мире богов присутствует соперничество, и как справедливо замечает Х. Эллис-Дэвидсон «мотив войны между двумя группами богов, так или иначе, встречается в разных мифологиях» [13, с. 167]. И даже в пантеоне богов найдется дерзкий завистник, который посмеет задирать самих пирующих в божественном чертоге. Достаточно вспомнить «Перебранку Локи» из «Старшей Эдды», где он смеет поносить асов и асиний. Мотив Локи таков, что он позавидовал Эгиру: «Гости с большой похвалой говорили, какие у Эгира хорошие слуги. Локи не стерпел этого и убил Фимафенга» [8, с. 123]. Локи ведет себя уверенно, так как по высказыванию одной из асиньи: «ведает Лофт, // что слышет шутником // и любимцем богов» [8, с. 127]. Таким образом, он чувствует некоторую долю вседозволенности, как, видимо, и Унферт, который «обращается к гостю, явившемуся спасти данов от страшной беды, с оскорбительными словами, но никто не прерывает его» [1, с. 246].

Пожалуй, самые яркие придворные соперники и завистники Толкина – это Саэрос из произведения «Дети Хурина» и Грима Змееуст (перевод имени наш, так как в такой манере сохраняется первоначальный смысл прозвища Гримы, заложенный Толкином, который буквально означает «драконий язык», искусный и коварный – О.В.). Оба они приближенные советники своих государей, однако, каждым из них движут разные мотивы. Так, Саэросом движет зависть: «Однако жил в Дориате некто Саэрос, который завидовал Турину, и завидовал тем сильнее, чем старше тот становился» [10, с. 83]. Оскорбленный тем, что главный герой, Турин, ненароком занял его место, он начинает всячески насмехаться над ним, что являлось недопустимым на пиру, будь то пир богов в «Старшей Эдде» или пир у владыки Дориата Тингола. Однако названный персонаж, по словам Толкина, занимал высокое положение и пользовался почетом, поэтому он позволил себе следующее высказывание, немало оскорбившее героя: «Ежели мужи Хитлума столь

свирепы и дики, то каковы женщины той земли? Верно, бегают они по лесам, точно лани, одетые лишь в плащ из собственных волос?» [10, с. 89] Перебранка превращается впоследствии в открытое противостояние, которое заканчивается наказанием Саэроса.

В отличие от Саэроса, движимого завистью, Грима имеет совершенно другие мотивы. Первый намек на истинные цели Змееуста читатели получают в словах Эомера, племянника конунга Теодена, правителя Рохана: «Действительно, мы не воюем с Черной Страной, правда и то, что король внимает дурным советам, но война не за горами» [9, с. 436]. Очередную подсказку можно получить, если внимательно прислушаться к словам стража, обращенным к странникам, пришедшим в Эдорас, столицу Рохана: «Может быть, ваше прибытие и не совсем неожиданность, – сказал он. – Но как раз позавчера Грима Червослов приказал нам не пускать чужестранцев в город». Картина полностью проясняется, когда герои входят в величественные залы Теодена, подобно Беовульфу и его дружине, оставив свое славное оружие у дверей: «... на трехступенчатом возвышении сидел в золоченом кресле Теоден – король Рохана. ... а на ступеньках у его ног сидел, полузакрыв глаза, тщедушный бледный человек, одетый в черное» [9, с. 501].

Грима занимает столь же почетное место, что и англосаксонский Унферт, а один из его мотивов – власть. Он всячески оскорбляет гостей: «С чем ты пожаловал на этот раз? Есть у тебя войско? Кони, мечи, копья? Вот что нам нужно. А я вижу четверых бродяг в лохмотьях, и ты из них самый оборванный» [9, с. 502]. Но злоязычный советник идет гораздо дальше Унферта, задирая величественных пришельцев, он также является практически правителем Гондора, им движет уже не просто зависть, но и жажда власти. Толкин в данном случае совершенно очевидно переосмысливает тему завистливых соперников и идет дальше, демонстрируя, к чему может привести потакательство государя своим подданным. По сути, сидя в стопах у владыки Гондора, он и сам уже владыка. Грима заходит настолько далеко, что по его приказу был схвачен Эомер, племянник короля,

кровный родич и прямой наследник трона.

Но власть не единственная причина, обуславливающая действия Грима. Дело в том, что у Теодена есть племянница Эовин: «Она была очень хороша собой: высокая, стройная, в белой одежде с серебряным поясом, но казалась холодной и твердой, как сталь» [9, с. 503]. Оказывается, что в связи с образом коварного советника, Толкин вводит еще один мотив характерный для мифолого-героических произведений. Е.М. Мелетинский подчеркивает, что соперниками героя могут стать «дорожные спутники, царские слуги, другие женихи царевны или другие зятья царя, чаще всего старшие братья» [5, с. 62]. Грима поставил себе целью не только захватить власть, но и взять в жены королевскую племянницу, а, следовательно, стать членом королевской династии. Поэтому в названном эпизоде Грима не только соперник-завистник, но так же и «соперник в сватовстве» [7, с. 267].

Приходит час, и коварные замыслы его раскрыты: «Признавайся, давно ли Саруман купил тебя и за сколько? И не обещал ли он тебе, что, когда все воины погибнут, сокровища Эдораса достанутся тебе, включая женщину, которой ты домогаешься? Ты ведь давно ее преследуешь!» [9, с. 508] Таким образом, с Гримой связана целая триада архаических мотивов: это мотив соперничества с главными героями, который оборачивается в повествовании еще и мотивом жажды власти, мотив «сватовства к деве-богатырше» [4, с. 20], а также мотив предательства своего господина, преступление хуже которого нельзя придумать для героя произведений германо-скандинавской эпической традиции. Как выражается по этому поводу автор «Битвы при Мэлдоне»: «это худшее дело!» [3, с. 148]

Еще один персонаж, безусловно, заслуживающий внимания, это Боромир, сын Денетора, Наместника Гондора, великого средиземского государства. На совете Элронда он с недоверием, сомнением и некоторой долей презрения отзывается о присутствующем там Арагорне, сыне Араторна, наследнике трона Гондора, когда тот предлагает помощь, а также заявляет претензию на трон: «Меня послали лишь для того, чтобы уяснить смысл пророчества, —

гордо выпрямившись, отвечал Боромир. ... Меч Элендила пришелся бы нам как нельзя кстати... если, конечно, прошлое вернет его без изъяна, – он с явным сомнением окинул взглядом фигуру Следопыта» [9, с. 256–257]. Арагорн подобно Беовульфу достойно держит речь и отвечает сопернику уверенно: «Когда темные твари, которых ты и в кошмаре не видывал, вылезают из-под холмов, из темных лесов, не свобода, а страх царит на равнинах. И тогда на их пути встаем мы. Кто мог бы безопасно пользоваться дорогами, кто мог бы спокойно спать в мирных краях Среднеземья, если бы северяне-дунаданы оставили свою неусыпную службу, если бы покинули этот мир?» [9, с. 258]

Вполне очевидно, что с образом Боромира связан мотив характерный для более поздних стадий развития героического эпоса – мотив борьбы за власть. Кто знает, какой оборот приняли бы события, и остались ли бы дружны члены Братства Кольца. Но Толкин снимает возможную драматическую развязку героической гибелью Боромира, которая также является искуплением жажды власти Боромира, связанную не только с правлением Гондором, но и обладанием Единым Кольцом, которое дает владельцу неограниченную власть и силу.

Герой, хотя и является второстепенным, и его линия сопряжена с мотивом соперничества, но он не менее значим в глазах Толкина, так как в отличие от Саэроса и Гримы он достойный соперник, и именно ему Толкин посвящает пространную стихотворную похвалу: «О стонущий ветер! Какая весть // сегодня пришла с тобой? // Где странствует ныне герой Боромир? // Вершит ли жестокий бой?// ... Я видел, как вел он неравный бой, // я слышал призывный клич. // Я видел, как злая рука врага // сумела его настичь...» [9, с. 421–422].

Повестью о героическом мужестве, отваге и благородстве сказитель вряд ли бы мог удивить средневековую аудиторию, хотя вдохновение и восхищение подобного рода историями у германцев не вызывает сомнений. Но облаченный в доспехи, стоящий над грудями тел поверженных врагов герой, сам умирающий от полученных ран, не это ли возвращение и торжество героического эпоса в XX веке? Можно заключить, что Боромир и Грима

являются полярными точками мотива соперничества у Толкина. Грима – подлый трус и изменник, который бесславно заканчивает свою жалкую жизнь. Боромир – герой, своим мужеством и стойкостью перед лицом врага, искупающий свои трагические ошибки, и встречающий героическую кончину, достойную воспевания. В названных персонажах архетипический образ соперника обретает у Толкина две ипостаси, одна из которых, Грима, отличается трусостью, которому как нельзя лучше подходят следующие строки: «Глупый надеется // смерти не встретить, // коль битв избегает» [8, с. 41]. Другая же сторона, Боромир, является воплощением германоскандинавского кодекса настоящего эпического героя, заключенного в строках «Старшей Эдды»: «но знаю одно, // что вечно бессмертно: // умершего слава» [8, с. 52]

Таким образом, мотив соперничества является важным элементом композиции произведений Толкина. При этом писатель обращается к традиционным вариантам противостояния, встречающимся в различных памятниках героического эпоса, но также переосмысливает традиционный мотив и придает ему новые оттенки, воссоздавая некий традиционный образ героя-соперника, воплощающийся в полярных образах, которые, в свою очередь, представляются собой достойными и недостойными в рамках героического кодекса. Особое внимание уделяется достойному сопернику, который, как и главный персонаж, обладают всем многообразием типологических черт, присущих эпическому герою. Кроме того, персонажи-соперники служат для проявления истинно героических качеств главного героя.

Литература:

1. Беовульф: Эпос. / А.Я Гуревич; под ред. А.Я Гуревич. – Спб.: Азбука-классика, 2006. – 286 с.

2. Боура, С. М. Героическая поэзия / С.М. Боура – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 808.
3. Древнеанглийская поэзия / под ред. О.А. Смирницкой. – М.: Наука, 1982. – 320 с.
4. Гуревич, А.Я. Избранные труды. Норвежское общество / А.Я. Гуревич – М. Традиция, 2009. – 470 с.
5. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах / Е.М. Мелетинский. – М.: РГГУ, 1994. – 136 с.
6. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе / Е.М. Мелетинский. – М.: РГГУ, 2000. – 169 с.
7. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса / Е.М. Мелетинский. – М.: Восточная литература РАН, 2004. – 462 с.
8. Старшая Эдда: Эпос. / пер. А. Корсуна. – Спб.: Азбука-классика, 2005.
9. Толкин, Дж.Р.Р. Властелин Колец / Толкин Дж.Р.Р. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 1104 с.
10. Толкин, Дж. Р.Р. Дети Хурина / Дж.Р.Р. Толкин – М.: Издательство АСТ, 2008. – 313 с.
11. Толкин, Дж.Р.Р. Письма / Дж.Р.Р. Толкин – М.: Эксмо, 2004. – 288 с.
12. Толкин, Дж.Р.Р. Сильмариллион / Толкин Дж.Р.Р. – М.: Издательство Аст, 2002. – 592 с.
13. Ellis-Davidson, H Gods and Myths of Northern Europe / H. Ellis-Davidson. – Penguin Books. – 1990. – 251 p.
14. McTurk, R. A Companion to Old Icelandic Literature / R. McTurk. – Blackwell Publishing, 2005. – 567 p.